

Первый доклад второму футурологическому конгрессу

© Малахов С. О.

© Malakhov S.

Первый доклад второму футурологическому конгрессу

The first report to the Second futurological congress

Аннотация. Проанализированы фундаментальные уязвимости русской цивилизации. Проведена комплексная реконструкция потенциальной стратегии Запада по ее уничтожению с учетом специфики индивидуальных мышления и психики, а также общественной культуры. Раскрыты глубинные механизмы разрушения сознания, дан новый уровень понимания основных принципов манипуляции людьми.

Annotation. Fundamental vulnerabilities of the Russian civilization are analysed. Complex reconstruction of potential strategy of the West on her destructions taking into account specifics of individual thinking and mentality and also public culture is carried out. Deep mechanisms of destruction of consciousness are opened, the new level of understanding of the basic principles of manipulation with people is given.

Ключевые слова. Восхождение, от абстрактного к конкретному, диалектика, культурный код, «окно Овертона», сознание, культурные ценности, культурная агрессия, диалектическая путанность.

Key words. Ascent, from the abstract to the concrete, dialectic, cultural code, cultural values, cultural aggression, "Overton window", consciousness, dialectical obfuscation.

Когда противник покоряется сам собою,
без войны, это искуснейшая победа.

Цао Цао

Задача: пять туристов пошли в лес, двое пропали. Сколько осталось? Легко ответить вовсе не потому, что решается в одно действие. Дело в другом: вопрос в задачке требует элементарной абстракции. Нам не нужно знать, что это за туристы, что это за лес, и что случилось с двумя пропавшими. Хотя, будь мы среди этих туристов, это было бы не так.

Эту абстракцию провести легко. Мы делаем это не задумываясь. Мы привыкли решать такие задачи.

Всегда ли легко провести абстракцию, т. е. отвлечение от ненужных для рассмотрения условий? А как быть, если одно зависит от другого, и мы, проводя выделение главного, лишаем сути предмет рассмотрения?

Пример такой ситуации: есть красивая фарфоровая ваза. Если ее разбить на две части, она никогда не будет вазой. Ее суть потеряется.

Однако мысленный эксперимент с разделением вазы надвое не разрушает ее суть. Наоборот, можно понять ее толщину, увидеть слои эмали и пр. Но такой хрупкий объект, как ваза, не является сложным для изучения путем мысленного эксперимента. Берем другой пример.

Семья. Мужчина без семьи (как и женщина без семьи) не будет тем же мужчиной, что и семейный. Его характер, цели, задачи, поведение будут другими. Даже мысленное разделение семьи на отдельных мужчину и женщину разрушает содержание категории «семья». Любое деление системы разрушает ее. Отделив голову от туловища, не изучишь организм.

Как проводить абстракцию, чтобы изучить такой банальный объект, как семья? Не понятно с точки зрения подхода, к которому привык логичный и математизированный ум человека западной школы.

По Зиновьеву, диалектика требуется для познания органического целого, сформировавшегося в результате естественно-исторического развития. Только диалектика способна работать с взаимообусловленными явлениями [6].

Мы, конечно, изучим мужчину и женщину порознь, но этого мало: женщина одна или в женском коллективе ведет себя не так, как с мужчиной; то же касается и противоположного пола. Поэтому изучение семьи нужно начинать с изучения взаимодействия и его динамики. И примитивное представление о людях разного пола, сведенное до разницы в физиологии, и примитивное представление об их соединении в виде исключительно полового акта очень быстро окажутся недостаточными.

В реальной семье секс занимает небольшое место; гораздо важнее взаимная поддержка. Когда у мужа на работе неприятности, его жена лаской и теплом успокоит, придаст ему силы для новых свершений. А мужчина, в свою очередь, защитит женщину от опасностей извне. И такая семья, где царит взаимная поддержка, будет крепкой и счастливой. Это кажется простой истиной, но ее нельзя увидеть, глядя только на отдельные объекты. Отдельных людей: пола номер один и пола номер два. Но ведь именно к этому нас и призывают певцы толерантности и политкорректности!

Всеми силами эта пропаганда направлена на разрушение восприятия единого и взаимосвязанного, подменяя его примитивизацией и искусственной терпимостью к другому. Кто-то назовет это обычным системным анализом, — но теория систем бесплодна: она научилась формально описывать свойства систем, но не более того. «Общая теория систем не раскрывает объекты в их живой жизни, а дает лишь костяк, абстрактную структуру целого...» [11]. В диалектике же ключом является внутреннее противоречие системы, раскрывающее ее сущность и обеспечивающее ее развитие.

Притяжение мужчин к женщинам и женщин к мужчинам очень разное. Именно это различие в ожиданиях и потребностях позволяет семье не просто быть, а развиваться, строить совместную жизнь, не ограничиваясь совместным решением бытовых проблем.

Некоторым это неприятно слышать. Но, согласно диалектике, двое мужчин (или женщин) не смогут построить семью. Жить какое-то время вместе могут, а создать крепкую семью — нет.

Для научного рассмотрения не менее важно следствие из обратной теоремы: навязывание ячейки общества без внутреннего противоречия будет вести к остановке в развитии, а затем — к разрушению этого общества.

В мире есть силы, толкающие познание и научное развитие мысли в эту пропасть: стремящиеся остановить проект «прогресс», заинтересованные в повальном оглуплении и бессознательности. Они навешивают глобальный пессимизм, пропагандируют магию и религиозное восприятие жизни. Они будут уничтожать диалектику, пока та слаба (а она действительно очень ослабла).

К сожалению, высоколобые мужи, писавшие труды по диалектике в советское время, ограничивались обмусоливанием «Капитала» и трудов Ленина, а простые, понятные, жизненные примеры диалектики были ниже их достоинства. В результате те, кто диалектику изучал, знают ее хуже тех, кто этого не делал.

* * *

Тот, кто хочет мира, не просто готовится к войне: он готовится к худшему сценарию. Только осознание всей глубины проблемы способно дать решение. Война уже идет, а понимания, теории, как не было, так и нет. Выиграть войну, лишь реагируя на действия противника, невозможно.

Сегодня идет информационная, психоисторическая (по Азимову), ментальная война — за сознание человека.

Наконец стали появляться серьезные исследования, посвященные историческим и прогностическим агрессиям, т. е. войнам за прошлое и за будущее. Но они касаются содержания; я же хочу рассмотреть более общий подход, учитывающий тенденции развития человеческого сознания и знания — как части этого сознания.

Итак, поставим себе гипотетическую задачу: низвергнуть цивилизацию, разрушить до уровня, когда ее можно будет легко подчинить.

Это война беспощадная и дикая, без смысла и компромиссов. Логика деструкторов в том, что оставшийся в ней последним получит шанс руководить дальнейшим.

Принципы поисков и предмет исследования

Основные принципы стратегии просты. Чтобы победить, надо:

- атаковать не сильные стороны, а слабости;
- найти минимум две слабости у противника (их почти невозможно защитить одновременно);
- сделать так, чтобы цель атаки не совпадала с объектом атаки.

Понимание последнего принципа нужно для осознания любых сложных процессов, где есть субъект. Так, в басне Крылова «Ворона и лисица» цель атаки лисы — сыр, а объект — самолюбие вороны. Гнусность лести, о которой пишет Крылов, вторична. Лиса атакует самолюбие вороны как слабость, но ей нужно не жалкое зрелище самовлюбленного выступ-

ления вороны, а сыр. Когда у вороны «в зобу дыханье сперло», процесс идет объективно: удержать сыр она не сможет ни при каких обстоятельствах.

При атаке на цивилизацию по этому принципу слабости нужно искать не в ней и не в организации общества — это цель; а атаковать нужно что-то другое, от чего цивилизация зависит непосредственно. Мой выбор, как моделирующего стратега, — сознание человека. Объект сложный, но тем более он привлекателен для атаки.

Предмет нашего исследования — не действительность, а картина мира в голове индивида — то, как он видит мир.

Цель исследования — найти способ разрушения этой картины мира, ее целостности, а за ней — и психики индивида.

Конечно, целостности как единства и непротиворечивости в человеке не бывает, но ничто не мешает это усугубить: добиться абсолютной фрагментарности, атомизации картины мира, растереть ее в порошок, сделать знания беспомощными, неприменимыми.

Для достижения этой цели важно, что картина мира современного человека — наследника западного знания — рациональна. Конструкция держится на теоретическом построении, которое скрепляется логикой.

При поиске слабостей в системе знаний обопремся на уже известные проблемы и слабости теоретических построений и логики как таковых.

Проблема теорий выражается наиболее ярко в теореме Геделя о неполноте. Ее философское понимание таково: любая теория либо недостаточно полна, либо противоречива. Это значит, что двумя слабостями в области теоретических конструкций, которые невозможно защитить одновременно и которые мы ищем, являются противоречия и белые пятна, не охваченные теорией, т. е. «пространство между теориями».

Противоречие тут понимается в диалектически неснятом виде: обозначающее проблему.

Белые пятна возникают всегда на границах теории или любого построения. Пока теория развивается, они постепенно убираются; когда развитие останавливается, — становятся более острыми и заметными.

Опора мышления

Любое рациональное мышление опирается либо на метафизику, либо на диалектику — либо на некие первопричины, которые воспринимаются как данность, либо на развитие противоречий.

Метафизическое мышление в масштабе картины мира в целом фрагментарно по своей природе. Отношения в коллективе требуют опоры на одни представления, отношения в семье — на другие. Инженер думает о конструкции с точки зрения теории сопротивления материалов, а когда колет дрова на даче — думает, как поудобней поставить полено.

В науке эта фрагментарность выражена в виде фасеточности представлений: каждая исследовательская лаборатория по сути является узкоспециализированным направлением науки, не связанным с соседним.

Фрагментарность естественна, но по мере накопления знаний наступает слом возможности развития на ее основе. К этому слову развитие рационального знания уже подошло.

Поэтому только теория, способная описывать качественные переходы, применима для рассмотрения объективной проблемы развития и его искусственной остановки как цели нашего исследования.

Еще один распространенный подход — философский (позитивистский), провозглашающий опору на опыт, — является лишь уловкой ума. Ведь чистый эксперимент (опыт) без теории, в рамках которой он ставится, проделать невозможно. А значит, опыт сам по себе не может быть основой для теории.

Попытки без диалектики построить основания, вроде герменевтики, все равно опираются на метафизику, несмотря на отрицание ее на словах. Это вчувствование (эмпатия) по Шлейермахеру, предрассудок по Гадамеру, невыразимость высшего и сам язык по Витгенштейну.

Позитивизм даже помогает разрушению сознания, т. к. отдельный опыт — это отдельная теория; а чем больше отдельных теорий, тем слабее вся конструкция.

Что касается диалектической опоры, то ее значимостью можно пренебречь. Даже в Советском Союзе диалектику постигали единицы, а сегодня владеющих ею и вовсе ничтожно мало, и они не влияют ни на что.

Формальная логика

Проблемы логики, пожалуй, лучше всего обозначены в виде апорий Зенона. Они становятся ясными при диалектическом рассмотрении: мы видим это через противоречия.

Линейное развитие (без скачков и фазовых переходов), что бы ни твердили апологеты устойчивого развития, возможно лишь в рамках одного уровня, ограниченного не разрешенным (не снятым) пока противоречием. Любой дальнейший шаг потребует его снятия и качественного скачка. Что означает обращение к диалектике и противоречиям.

Формальная логика с противоречиями работать не умеет. Для нее противоречие — это ошибка. Следует развеять расхожее заблуждение, что диалектика работает с утверждениями типа «А и не А одновременно», что соответствует закону исключенного третьего в логике. Диалектика работает с противоречиями другого порядка, и их упрощая можно записать так:

$$A \text{ и не-} B (\alpha, \beta, \gamma, \dots) \text{ не } A \text{ и } B [13],$$

т. е. с противоречиями через опосредования.

Живые, действительные проблемы относятся к диалектическим, применение же формально-логического подхода к ним приводит к остановке в развитии и к попыткам защититься от него.

Другая слабость логики — то, что она абстрагируется от содержания и оперирует только символами.

У Гегеля есть пример: «дух является желтым». Если нет утверждения или следствия, что дух не желтый (т. е. отрицания утверждения), то логика проблем не видит — она не чувствительна к абсурду.

Прием сведения к абсурду — столь же мощный, как и сведение к противоречию. Но сведение к абсурду не имеет той же строгости и четкости и чаще используется демагогами.

Нечувствительность логики к абсурду позволяет объяснить логикой любой бред. Заметьте: не «что угодно», но любой бред. Ведь бред вполне объясним. Так, существует масса убедительных, подкрепленных научными исследованиями фактов, говорящих о пользе употребления наркотиков. И я, занимая эту позицию, буду утверждать, что каждый имеет право на свое мнение, — и противоположную позицию тоже буду называть «мнением». Что и кому мы сможем доказать, какую истину найдем в споре?

Есть и исторические примеры. Так, миф про влияние фреонов на озоновые дыры был убедителен еще в конце XX в., но сегодня любому интересующемуся доступна информация, что связь озоновых дыр с фреонами притянута за уши. А главное — в прошлом те же аргументы звучали убедительно, а сегодня — уже нет.

Этот пример — хорошая иллюстрация абстрактности. Конкретизация этих же аргументов до уровня «кому была выгодна эта теория» делает ответ очевидным.

С формальной логикой (но не только с ней) связана еще одна принципиальная трудность, касающаяся сложных теорий в неформализуемых науках: трудозатраты на опровержение бреда исключительно велики.

Представим, что некая сложная и внешне логичная теория обосновывает некое абсурдное утверждение. Одного контрпримера для разрушения теории, в отличие от математики, недостаточно. Более того, трудозатраты на опровержение требуют усилий на порядок больше! Опровержение одного утверждения требует главы не менее сложного текста. Опровержение главы — целой книги, которую мало кто прочтет. Работа опровергателя не только трудозатратна, но и маловостребована — чем и пользуются профессиональные лжецы вроде Резуна.

Ни в коем случае не призываю отказаться от формальной логики: нет более твердой опоры. Но использующий инструмент, не зная границ его возможностей, обязательно потерпит поражение.

Зафиксируем: формальная логика и метафизическое представление у большинства приближает, а диалектика как единственная наука, способная работать с противоречиями, отдаляет нас от цели — разрушение картины мира в сознании.

Слабости картины мира

Итак, мы нашли и обозначили основные слабости. Как по ним бить? Как рушить созданное? Сначала представления об этих слабостях надо сделать более конкретными, изучить.

Для лучшего понимания построим такой образ: знание — огромная, которую нельзя охватить одним взглядом, крепость. Где-то стены крепки, где-то низки, но для нас важно другое: крепость не едина. Она состоит из множества мелких крепостей, которые соединены слабо или вообще не соединены. Более того, люди сознательно дробят ее на более

мелкие и слабые. Как завоеватель, я буду бить не по крепости, а по границам — вбивать клин в зазоры знаний и дисциплин.

Как умный стратег, я буду не только бить, но и вести активную подготовку на территории противника. Я заинтересован в усилении раздробленности и делении на как можно более мелкие рубежи обороны.

Очертим картину театра военных действий еще раз — теперь в терминах задач:

- дробить знания. Возводить между ними границу;
- бить в границу знаний и теорий. Как Гудериан меж двух дивизий;
- остановить процесс понимания и систематизации знаний;
- создавать как можно больше ненужных знаний;
- вынуждать индивида вбирать в себя как можно больше информации и несистематизированных знаний;
- усиливать противоречия;
- создавать новые противоречия;
- мешать любым попыткам снимать противоречия.

Союзники:

- абстрактность;
- узкая специализация;
- нерелексивное восприятие;
- информационный шум;
- дерационализация.

Основные противники:

- диалектика;
- интегрирующее знание и восприятие.

Диалектика и противоречия

На диалектике как основном враге разрушения цивилизации стоит остановиться отдельно. А. А. Зиновьев писал: «Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом для насмешек. Одно из величайших достижений человеческого интеллекта... было извращено и ополчено.., исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений» [7].

Этому есть объективные и субъективные причины, но разбор их выходит за рамки статьи.

В защиту диалектики нужно сказать, что дисциплина ТРИЗ [1], построенная по диалектическим принципам, весьма плодотворна в области техники и продолжает развиваться, несмотря на плачевное состояние диалектики в целом.

В нашей повседневной жизни возникают противоречия. Они вовсе не обязательно носят фундаментальный или гносеологический характер — быть или не быть. Если их не решать, последствия могут быть серьезными. Отбрасывание диалектики, т. е. умения работать с противоречиями, ведет к внутреннему конфликту либо, как заметил Э. Ильенков [8], к нигилизму или скептицизму. А именно скепсис плодит разрозненность и безволие.

Ключевое необходимое условие разрешения диалектического противоречия — максимальное обострение. Его нужно не прятать, не сглаживать, не откладывать на потом, а, наоборот, усиливать и обострять конфликт.

К чему приведет попытка «подморозить», ослабить этот конфликт?

Напомню, речь идет не о столкновении мнений или представлений, а о принципиальных конфликтах, которые основаны на объективных причинах, сформированных самой природой развития конфликтующих сторон, т. е. диалектическом противоречии. Диалектика рассматривает не случайные противоречия, а только логично вытекающие из сущности самой системы или предмета.

Если противоречия объективны, то количество рано или поздно перейдет в качество. Если мы игнорируем выкипевшую воду в чайнике на огне, то рано или поздно в нем будет дырка, или даже чайник расплавится и перестанет им быть.

Чем больше внимания к принципиальному, ключевому, сложному, тем быстрее проблемы можно решить. Нужна предельная острота.

Абстрактное и поверхностность

Абстрактное и конкретное — важнейшие категории, без которых невозможно разобраться в нашей задаче. По сути, эти понятия ввел в диалектику Гегель [3], но они редко понимаются правильно. Так, ученые, мыслящие в рамках модной теории систем¹, не понимают разницу между абстрактным и конкретным — в этой теории отсутствуют эти понятия. Разумеется, процесс восхождения от абстрактного к конкретному им тоже не понятен.

Со времен, когда Выготский стал «нашим всем» в психологии, нас учат и убеждают, что абстрактное мышление — основной признак развитости интеллекта. Есть еще понятийное мышление, — но это уже для очень умных, и оно еще более абстрактно [3].

И это верно. Без умения абстрагировать познание невозможно. Большинство инженерных и технических задач решается силой абстракции. Умение абстрагировать — характерная сильная черта западной цивилизации. Но она же — ее слабость.

Заражая все без исключения сферы деятельности человека, заявляя себя в качестве чуть ли не единственного верного научного метода, абстракция превратила все вокруг в симулякр, символ без содержания, красивую упаковку, которая убеждает в качественном содержании, — в выхолощенный ярлык.

Обычно в оценке подхода к обучению сетуют на отсутствие системного мышления, на обучение детей набору фактов, а не теории.

Очнитесь! В каждой главе учебника отдельная логичная теория и система. Вал «теориек» и красивых системок.

Авторы учебников понимают, что нелогичность и отсутствие системы бросается в глаза. Первое, для чего строят систему и теорию, — мифы. Не то что школьный учебник — любая корпорация строит для «древ-

¹ Имеется в виду «общая теория систем» Л. фон Берталанфи.

ней истории» своего бренда стройную систему. Как прадедушка сто лет назад хорошо работал — и так родился великий бренд с миллиардным оборотом. Вера в силу системности и в абстрактный подход давно работает в противоположную сторону.

Пример с применением науки в коммерции — ярчайший случай абстрактного подхода в науке. Основной подход предельно прагматичен: «не важно, как этого добиться, — важно, чтобы это работало». Метод, который работает, будет применяться капиталом, независимо ни от чего. Последствия капитал не интересуют. Поэтому образованные люди с удовольствием работают на капитал. Методы, которыми их вооружили, работают на одну цель — заработать деньги. А наука истончается: ей становится выгодно быть поверхностной. Она превращается в пресловутую продажную девку, не только дробя и руша фундамент науки, но и уничтожая веру людей в ее силу.

Разрушение опоры мышления — поверхностность и абстрактность. Сюда же следует отнести выхолащивание — мышление в абстрактных категориях.

«Конкретное» — понятие, не тождественное сложному. «Конкретность» означает конкретность представлений. Иными словами, мы в голове выстраиваем более полную, всестороннюю картину, учитывающую множество факторов. А абстрактное представление — односторонний взгляд.

Кирпич и перышко, брошенные с одной высоты, упадут на землю за разное время. Это знание верно, но оно абстрактно в сравнении с тем, что время падения этих тел определяется не их массой или объемом, а только сопротивлением воздуха. Это элементарное знание, известное из курса школьной физики, более конкретно в сравнении с предыдущим, известным из житейского опыта.

Поверхностность, легковесность, абстрактный подход ко всему — вот помощники разрушения сознания. Полководец не будет действовать прямо, будет давить на это косвенно.

И первый шаг — это информационный шум. Самого по себе шума мало, чтобы добиться поверхностного восприятия, — нужно, чтобы шум создавал иллюзию знания. Нужна информация, без которой индивид не сможет прожить; ее должно быть много, и она должна устаревать очень быстро. Например, где сегодня хорошие скидки на ненужные вещи.

Даже очень развитый интеллектуально человек просто не способен объять своим сознанием усложнившийся мир.

Чем больше информации подается в его голову, тем сложнее уйти от идеологии. Информационный прессинг выдавливает любую сложную, логичную, целостную картину мира из сознания, заменяя ее на поверхностное восприятие, не затрагивающее свою картину мира. т. е. навязывает поведение, в котором рефлексия не нужна и главное — не реализуема.

Пока человек будет размышлять, он не успеет выгодно купить майонез и новый смартфон. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Очень состоятельные люди точно так же вынуждены держать нос по ветру, чтобы не прогорел их бизнес, который зачастую так же зыбок, как положение на рынке труда наемного служащего.

Иллюзия вседоступности информации

Парадоксально, но большая доступность рационального знания ведет к деградации этого знания и дерационализации сознания!

О проблемах с долговременной памятью в результате легкой доступности информации уже заговорили. Пока эти разговоры больше похожи на ретроградство: про книгопечатание говорили так же.

Чем профессор среднего вуза отличается в эпоху Интернета от среднего пользователя социальной сети, который найдет за минуту любую информацию? Достоверность найденной в Интернете информации вероятностна; но то, что хочет услышать профессор, — студент найдет. У найденной информации не будет фундамента и глубины, но для экзамена, особенно в виде тестов (как и для большинства бытовых задач), не нужна глубина: нужно обладать свойством магнитофона или робота.

У старшеклассника нет оснований принимать авторитет этого профессора, да и взрослого вообще. Хороший ученый или преподаватель обязательно обладает уникальными знаниями, но они отнюдь не обязательно востребованы. Более того: знания двух любых человек в эпоху Интернета фактически не могут ничем отличаться — у них один источник информации, который не может отличаться принципиально. Вся разница будет на уровне вкусовщины и на уровне того, кто прочитал больше за пять минут в поисковике.

Раз другой черпает информацию оттуда же, откуда и я (из Википедии), значит, больше знать он не может. Во всяком случае, если он не специалист в рассматриваемой области. Тогда зачем мне его слушать?

Одному человеку больше нет причин слушать другого как более авторитетного. Можно выполнять приказания стоящего выше в иерархии, более сильного, того, кто платит, — но не уважать его опыт и знания. А вот социальные последствия этого еще не осознаны.

Обесценилось само знание. То самое, которое было флагманом всего модерна и прогресса. Уже сегодня цивилизованный человек носит в себе огромный запас знаний о том, как вставить смайлик в телефоне, на каком континенте дешевле отдыхать, как правильно запарковаться, где бывают скидки на обувь, что ела на обед популярная певица этого года. И без этой информации он просто не выживет. Этот мусор в голове, даже при желании, не даст осознать себя, углубить картину мира, не разрушив социальные связи, испытывать чувство важного дела на всю жизнь вместо скоротечного адреналинового прыжка с парашютом.

Поверхностная картина мира не была бы бедой, если бы не превращала человечество в змею, пожирающую саму себя. Некому, нечем и главное — незачем развивать знание далее. Знание стало лишним и давящим своим объемом, вынуждая быть поверхностным.

Поверхностная картина мира подразумевает легкость манипуляции сознанием ее носителя. Разноголосица во мнениях и желаниях связана в том числе с этим фактом.

Интернет не столько производит информационный шум, сколько порождает автовозбуждение. Любой человек может произвести доселе

невероятный по объему поток информации — разумеется, бесполезной, вроде пресловутого селфи. Интернет, как глобальная свалка, имеет важную особенность: любая информация является одноранговой. С одной стороны, доступной стала любая информация. С другой — «Одиссея» Гомера весит (по количеству информации) столько же, сколько три девичьих поста в инстаграме. И это равенство автоматически распространяется на ценность обоих пакетов информации.

Следующая ключевая проблема также парадоксальна. Картина мира — не только знания, но и обязательно ценности. А ценности вызывают чувства. Но поверхностная картина мира вызывает только поверхностные чувства, в лучшем случае эгоистические. С уходом рации уходят сильные эмоции. Большая цель, долгий путь не тревожат никакие струны в душах поколения информационной доступности.

К чему стремиться? Только к более быстрой и качественной связи с Интернетом? Так чип в мозг — не утопия и не за горами.

Мечты все съедены. Остается стремиться к тому, что навязывает общество: к деньгам, славе, положению. Остаются только острые, скоротечные эмоции в беспробудном угаре реальности.

Страсти и высокие чувства, с которыми защищали свою Родину советские солдаты, или романтический задор Генри Форда, воодушевленного автомобилями, — все это в прошлом. Наступает эпоха поверхностного человека с абстрактными знаниями о реальности, дающими иллюзию понимания.

Другое свойство мышления эпохи вседоступности информации — нечувствительность к противоречию. Поверхностное восприятие абстрактно по Гегелю. В одной ситуации яйцо круглое, в другой, когда это выгодно, — квадратное. Автор лично слышал доводы от взрослых людей, с еще советским образованием, что, мол, математики считают, что дважды два не совсем четыре. Такое абстрактное мышление — признак детского ума. Только ребенок не видит проблемы, когда игрушка исчезла в руках ловкого папы. Для него она просто исчезла.

Только Гарри Поттер может взлететь на метле. Только Бог всемогущ. Только если тебя не сглазили — все получится.

Между тем именно противоречие, когда оно не ошибка восприятия или эксперимента, есть диалектическая посылка к развитию. Без него есть только застой и вырождение.

Диалектическая спутанность

Для показа манипулятивной схемы, которой можно добиться максимума от сложившейся у индивида конструкции картины мира, обратимся к психиатрии. Ведь именно психиатры (фашистские, а позднее — американские) занимались созданием таких схем, изучая сломанные защитные механизмы психики больных.

Одна из выдающихся работ по психиатрии середины XX в. (выполнена на деньги фонда Рокфеллера) — проект Грегори Бейтсона. В статье «К теории шизофрении» [2] он показывает, что болезнь формируется

в результате повторяющегося воздействия внутри семьи, так называемого двойного послания (double bind). Оно заключается в одновременном сообщении ребенку противоречивого послания: говорится одно, невербально или метафорически — противоположное, а третье послание за-прещает жертве покинуть поле конфликта.

Диалектического осмысления теории нет. Противоречие в голове жертвы психиатру кажется катастрофой. Нет и обобщения, выходящего за рамки коммуникации.

У неназванной проблемы нет шанса быть решенной. Считая, подобно Бейтсону, противоречие кашей многих не осмысливаемых посылов, воспринимаемых как команды к действию, но не осмысляемых, невозможно понять, что происходит. Я предлагаю расширенную, диалектическую осмысленную картину мира человека любого возраста.

Представим себе, что у нас есть ключевое, важное противоречие, и мы его хорошо осознаем — что не менее важно. Оно толкает нас вперед, хоть и через неприятный конфликт, и общество движется к его преодолению, развивается. По мере продвижения мы поднимаемся по спирали.

А что нужно, чтобы закрутить спираль в обратную сторону, в сторону регресса, распада? Очевидно, что нужно это противоречие прятать, отводя внимание от него. Глядя на двойное послание, построим схожую схему в общественной жизни. Я называю это «диалектической спутанностью».

Истинное, базовое противоречие затушевывается и прячется. Всеми мыслимыми способами уводится далеко от поля сознания, от остроты борьбы, от обсуждения и любого внимания вообще, т. е. делается максимально неосознаваемым. Дальше необходимо наложить принципиальный запрет на рассмотрение этого противоречия. Запрет любого толка: от грубой цензуры и выведения за рамки приличия до более тонких механизмов психологического давления — очернения, высмеивания, давления общественного мнения и СМИ.

Этого еще недостаточно для эффективности спутанности. В сознание должно быть подсунуто другое, мнимое противоречие, которое предлагается решать вместо основного, базового. Это мнимое противоречие будет двигать общество в нужном для манипулятора направлении. Оно утилизирует, канализирует недовольство — и оно не обязательно должно быть единственным.

Мнимое противоречие объявляется главным, ключевым. Любые общественные проблемы, с точки зрения манипулятора, должны рассматриваться, исходя из его определяющей роли. Мнимое противоречие обязательно носит абстрактный характер.

Мнимое противоречие обычно не озвучивается так же, как ключевое. Оно обозначается косвенно: дискурсом, описанием, ощущением от направления движения общества. Нельзя дать осознать это противоречие легко — оно должно выглядеть как серьезная проблема. Но мнимое противоречие всегда направлено на симптом, а не на причину болезни.

Например, заставляют терпеть (толерантность) без внутренней причины это делать. Ты будешь внутри недоволен, а снаружи будь любезен

терпеть. Тебя зажимают. Твое внутреннее недовольство дойдет до предела, и ты взорвешься приступом немотивированной агрессии? В зависимости от ее степени к твоим услугам стадионы, полные болельщиков, психотерапевты и тюрьмы. А если тебе посчастливилось жить в стране, где мало демократии, то даже возможность безнаказанно рушить свою страну в «цветной революции». Это как пытаться гангрену замазать тоналным кремом.

Всячески подсовываются на глаза любые решения в условиях «самоочевидности» и «подразумевания» искусственно созданного противоречия. О самом мнимом противоречии говорят заученно и чеканно, а любая дискуссия сводится к выработке решений в рамках навязанных предпосылок.

Запрет на рассмотрение должен носить преимущественно эмоциональный характер, и часто точно так же содержит в себе противоречие. Основная канва запрета через противоречие строится по такой схеме: называть проблему — это высказывать кому-то неприязнь. Полагаю, читателю уже очевидно противоречие. Ибо, если проблему не называть, она никогда не может быть решенной.

Искусственные противоречия: права человека, права секс-меньшинств, редкие заболевания вроде птичьего гриппа (который забыли, несмотря на истерику СМИ) или ВИЧ, терроризм и многое другое.

Нельзя создавать искусственное противоречие на полной лжи: хорошая ложь состоит из 99% правды. Ведь все выше перечисленное действительно имеет место.

Искусственная проблема раздувается, а базовая прячется. Изначальные масштабы проблем несоизмеримы: базовой нужно уделить 90%, а раздутой — 0,1% времени и внимания. В реальности как в СМИ, так и в оболваненных головах все наоборот. Вернее, ключевую проблему не обсуждают вообще, любой говорящий о ней голос будет заглушен, а автор подвергнут остракизму.

Схема диалектической спутанности не сводится к подмене одной проблемы другой. Речь не о проблемах, а о диалектических противоречиях. Их нужно уметь видеть и находить, — что не просто и требует высокой культуры мышления.

Возьмем самый известный пример: ключевое марксово противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Чтобы применить описанную логику к этому примеру, надо прежде всего очернить Маркса и его учение. Вульгаризировать его идеи, довести до абсурда. Относящихся к ним серьезно высмеять, прилепить ярлык «комуняки» и «оправдывающего кровавые пытки» и т. п. Одновременно преувеличить какое-то противоречие и обсуждать его решение. Например, дискуссии должны вестись об объединении народа — несмотря на религиозные противоречия и разное отношение во внутренней политике — на основе патриотизма. Или о выборах в США — как будто от них зависит политика такой огромной машины, как американское государство.

Конечно, патриотизм нужен, но схема такова: я тебя обираю, но мы с тобой патриоты, и я должен тебя грабить потому, что у нашей страны

есть враги. Если мы не объединимся, проиграем оба; и все, о чем тебе надо думать, — как нам объединиться. А если тебя что-то не устраивает, тебя маргинализируют любым способом, например, объявив фашистом.

Чем это отличается от мнимой альтернативы? Мнимая альтернатива заключается в том, что монополист выставил на рынке ряд разных брендов и якобы конкурирует с собой. А у покупателя есть широкий выбор при единственном производителе.

Диалектическая спутанность заключается в том, что тебе предлагают выбрать сорт масла, которым надо смазать колеса телеги, когда река уже подернулась коркой льда, и скоро грянет зима и метели. Можно выбирать масло, можно ароматизатор для кобылы. А кто купит два ароматизатора, получит бесплатно журнал о жизни на Багамах. Но вопрос о санях и зиме задавать категорически нельзя: кто его задаст, будет выставлен дураком и не умеющим «мыслить позитивно», с «тоталитарным» прошлым и пр.

«Еще никогда “за всю историю” не происходило зимы», — ответят специально обученные люди.

Ключевой момент диалектической спутанности — время назревшего качественного перехода. «Тормознуть», «подморозить» конфликт нельзя. Это не просто прятание головы в песок — это *синдром смещенной активности в масштабах цивилизации*. Вся активность переведена в плоскость исключительно продолженного настоящего. Линейно продолженного, в фазу насыщения. По сути, это раскручивание вспять диалектической спирали развития.

Примеры диалектической спутанности

Важно показать работу этой схемы на примерах реальной информационной борьбы и этим раскрыть внутренний механизм идущего процесса разрушения сознания, общества, картины мира человека западной цивилизации.

1. Русские солдаты всегда были известны как очень сильные воины. Сила любого солдата — в его психической подготовке, подготовке к действию в крайне жестких, экстремальных ситуациях. Без воспитания устойчивости психики так называемый боевой дух сводится к нулю. Эту сложную и неочевидную задачу решала срочная служба в Советской армии.

Что надо сделать, чтобы разрушить главное преимущество русского солдата — устойчивость его психики?

Решать эту задачу надо через диалектическую спутанность. Есть реальная проблема: очень жесткое воспитание сопряжено со злоупотреблениями, перегибами, срывами. Проблема обострилась, помноженная на перестроечный беспорядок в армии, который ослабил контроль за перегибами.

Как сказано выше, без жесткого воспитания не будет воспитания психики бойца — т. е. налицо противоречие. Вместо решения проблемы перегиба создаются комитеты солдатских матерей, которые под крик «Над нашими детками издеваются» полностью стирают в порошок ценность защиты государства.

Ведь регулярная армия за громадную цену (не только деньги, но и силы молодежи) продает ценнейший товар — боеготовность, готовность защищать интересы своего народа. Не самое лучшее и дорогое в мире вооружение, а ужас помыслить напасть на СССР. Неотъемлемой частью этой боеготовности была готовность каждого мужчины (что для него естественное чувство) защищать свою Родину.

Но каждый, кто говорил о любой ценности армии, считался среди сверстников «лохом», «потерявшим» два года жизни, и подлецом в глазах матерей. Любая мать любит своего сына, и если ей страшно за него, она будет бороться. Напугать женщину в эпоху СМИ легче простого. А дальше задача решалась просто: СМИ освещали только крики перепуганных женщин.

Подведем итог: основное противоречие стоимости и ценности армии прячется. Подсовывается второстепенная проблема неуставных отношений в виде мнимого противоречия, которое гиперболизируется до вселенской боли. Создается запрет в виде падения ценности мужских качеств, демонстрации военных глупцами, иллюзии мирного намерения вероятного противника и пр.

Результат: армия есть, деньги она потребляет, а боеготовности нет. Одна из сильнейших армий мира разрушена без потерь.

И это «по странному совпадению» было сделано ровно в тот момент, когда противник стал надрываться — как бы ни хотелось ему убедить нас в обратном.

2. Более простой, но не менее важный пример, — короткая шутка. Смех (особенно над собой) — один из мощнейших защитных механизмов психики от проблем восприятия противоречия.

Согласитесь, распространенный ответ на непонятное или неприятное — «ха-ха-ха, ты не понимаешь элементарных вещей». Дальше возможен любой аргумент, «достаточно очевидный» в данном контексте. «Очевидный» всегда, если глубинное противоречие не ясно.

Возьмем конкретный пример из сочинений одного юмориста: «Наши люди любят улучшать обстановку для отдыха. Чтобы водку окружало что-то красивое — теплоход, Италия...» [13].

Рассмотрим суть этой шутки, имевшей успех, с точки зрения диалектической спутанности. Подразумевается, что водка — автоматическая, неотъемлемая часть жизни русских, а Италия и теплоход — нечто хорошее. Контекст путешествия подразумевает взгляд на Италию со стороны туриста, что и есть основное восприятие других стран нашими соотечественниками. Подразумевается, что вся Италия — выставленные напоказ красоты. О проблемах, включая иммиграцию, как-то не принято говорить.

Итак, шутка о том, что русские — пьяницы, Россия — страна так себе, а вот за границей, особенно в Европе, — хорошо. Ключевое слово — *любят*. «*Наши люди любят*» — это национальная черта, мы любим Европу и водку. В подсознание вносится, что не людей мы любим, а пьяное состояние.

В этом примере мы видим: человек отказывается от себя как от носителя русской культуры, от самоидентификации, от связи с землей,

на которой живут носители русской культуры. Иначе говоря, человек, посмеявшийся, что в Италии хорошо, а в России не очень, — подсознательно немножечко себя как русского человека от русской культуры оторвал. И следуя этому пути, он постепенно перестанет себя считать русским, — и не важно, что его родители были носителями русской культуры.

В суровые для общества, нации, государства времена такой человек не будет совершать осмысленно серьезные поступки по защите земли, культуры, ценностей. Он не захочет их улучшать даже в повседневной жизни.

Смехом, как защитой, здесь прикрывается наглая ложь о пьянстве русских как ключевой черте характера. Накладывается произнесенный запрет на анализ и критику позиции о лапотной России и прекрасном Западе.

Шутка вызывает положительную эмоцию, что усиливает принятие ситуации. Эта эмоция, пока переживается, не дает возможности сознанию переключиться на осмысление содержания шутки.

3. Какие противоречия можно использовать для уничтожения масштабов страны и народа? Найти внешнего врага опасно. Им не может быть США или Китай: это проблемы настоящие, а для создания хаоса нужны мнимые. Хорошо подойдут внутренние проблемы — особенно с учетом обширности территорий и разницы идейных установок.

Чтобы нарастить конфликт, надо дать силы всем его сторонам. Будут использованы все противоречия, которые только способны привести к конфликту. Религиозные: растить и христианство, и мусульманство (это же сила духовных скреп). Национальные: поддерживать национализм и бороться за права массы маленьких народностей. Но особенно интересно рассмотреть те, что еще не являются отыгранными картами: например, конфликт патриотов и либералов.

Нужно брать символы абстрактные, не имеющие содержания, и работать с ними, чтобы каждая сторона защищала свою правоту. Например, вместо серьезных исторических исследований и глубокого понимания эпохи XX в. нужно поставить посреди Москвы памятник Сталину (как вариант — Маннергейму), а потом снести под влиянием «общественного мнения».

Уловка в том, что понимающие заслуги и сложность руководителей прошлого не понимают, что для абсолютного большинства их фигуры — лишь фетиши, абстрактные символы, лишенные содержания.

4. Одно из главных пропагандируемых последствий половой распущенности — педофилия. На ум читателя в первую очередь приходит сильнейшая психологическая травма маленького человека. И это действительно так, и в этом заключается опасность: от насилия нужно защищать. Но более серьезная беда связана с механизмом диалектической спутанности.

Более массовым является не сам факт насилия, а страх перед ним. Страх заставляет гораздо большую часть людей, чем тех, кого коснулось насилие, действовать в соответствии с этим страхом.

Если вы или ваш близкий пережил насилие — это трагедия. Она нуждается в сочувствии, а насильник должен понести наказание. Но если вместо единичных случаев в масштабах всего общества в людях поселяется страх, то им поражается все общество.

И для общества это будет катастрофой, т. к. страх приводит к разрыву поколений. И это более пагубно, чем само насилие.

Кого дети больше всего боялись еще лет тридцать назад: милиционера? хулиганов? Нет: боялись взрослых. Любых.

Курить у подъезда? — Взрослые увидят. Костры во дворе? — А вдруг взрослые заметят? В общественном месте, если плохо себя вести, взрослые увидят и обязательно накажут. Адекватно накажут.

Сейчас этого больше нет. Родители основной задачей видят оберегание своих чад от других взрослых: ведь кто-то из них может оказаться педофилом. Этого уже боятся больше, чем уличных хулиганов. А результат — полное отсутствие воспитания обществом. Ведь такой страх разрывает связь между детьми и обществом, между поколениями — и не дает адаптации к взрослой жизни.

В Советском Союзе помимо общественного воспитания было воспитание взрослыми. Малоознакомые мужчины и женщины, чужие дедушки или бабушки, соседи показывали, учили — и просили себе помочь, чтобы научить. Все это было искренне, и именно такое детство, уже будучи взрослым, человек вспоминает как счастливое, — а не то, где было много игрушек или гаджетов.

Это была связь поколений на уровне не школьных понятий, а решения реальных задач, совместных дел.

Для борьбы с этим надо пресечь широкое обсуждение проблемы мажорков, а обществу дать чувство защищенности, подкрепляя его безусловной неотвратимостью наказания. Вернуть авторитет старшего. Стремиться не к «торжеству законности», а к снижению преступности на бытовом уровне.

Это может показаться словесной игрой: в чем разница между снижением уровня преступности и торжеством законности?

Но ответ прост: уровень преступности — конкретная вещь. Измеримая, осязаемая не только в МВД, но и простым гражданином. А законность — понятие абстрактное, за которым можно прятать что угодно. «Законность — благо для общества» — это силлогизм из теорем в рамках массы условностей. «Борьба за законность», «перед законом все равны» и прочие пустые лозунги — борьба с мнимым противоречием.

Любая дискуссия о «равенстве перед законом» выльется в болтовню. Ведь смысл этой фразы сводится либо к бессодержательной банальности о том, что все должны выполнять закон, либо к обмену мнениями о том, где и как закон применяется неправильно. И за болтовней, в которой сама постановка вопроса отвлекает от проблемы, нужная борьба за низкий уровень преступности, за качество жизни гражданина, за его спокойствие и доверие окружающим будет потеряна.

На деле же «борьба за законность» ведет к ювенальной юстиции с окончательным разрушением связи поколений.

5. Важная особенность диалектической спутанности — абстрактность мнимого противоречия. Реальное противоречие, в силу его естественности, можно увидеть конкретно.

Страдающие сексопатологией (так называемые сексуальные меньшинства) якобы должны иметь право всем демонстрировать свои отклонения — даже если это не нравится большинству.

Иными словами, мнимое противоречие берется без учета конкретных обстоятельств. Как защищаются эти противоречия, общеизвестно.

Итак, диалектическая спутанность позволяет не просто разрушить картину мира индивида, но и одновременно направить его в нужном направлении.

Слабости диалектической спутанности

Хороший полководец должен понимать свои слабости. В данный момент я вижу три слабости в применении диалектической спутанности.

Прежде всего, навязываемое противоречие всегда более абстрактно, чем естественное.

Большая абстрактность позволяет взойти к более конкретному и показать, что, к примеру, терроризм во всей конкретности — это возможность бомбить чужую страну. Ведь террористы — не субъект ООН, и для расправы с ними официальные процедуры не нужны.

Другая слабость в том, что индивид, умеющий работать с противоречием, — и не только диалектик, но и носитель даосско-конфуцианской культуры, — не поддается подобной манипуляции. На него не действует диалектическая спутанность. Китаец даже проблемы в этом не увидит.

Последняя слабость — это сам защитный механизм. Хотя, пока пропаганда находится в нужных руках, его можно постоянно изменять и подстраивать под новые обстоятельства.

Наверняка найдется очередной «поппер», который, не будучи способным вникнуть в суть вопроса, начнет критиковать выхолощенный лозунг, выдавая последний за суть.

Самая примитивная критика будет укладываться в формулу «Диалектика — это глупость, которой оправдывали свои выдумки Маркс, Ленин и весь советский проект. Получилось одно сплошное зло». Вряд ли человек с таким уровнем мышления вообще прочитает настоящую работу. Но считаю своим долгом вооружить любого желающего разобраться в диалектическом методе.

В силу исторических причин любая, в том числе конструктивная, критика классиков марксизма была под запретом. Допущенные ими ошибки оказались слабостями, а затем источниками заразы самой теории марксизма.

Хотя неправильно понятых категорий и методов диалектики еще достаточно, хочу выделить два ключевых негативных фактора: дилетантскую работу Энгельса «Диалектика природы» и ошибочный принцип единства логического и исторического, который привел к догматическому лозунгу о неизбежности наступления коммунизма.

На примере СССР эти принцип и лозунг были опровергнуты. Скажу больше: сам этот лозунг расслабил советских людей. Возможно, он стал теоретической основой для работы спустя рукава и двуличного отношения к советским ценностям. Раз коммунизм неизбежен, зачем работать, защищать мир с оружием в руках, бороться со своими недостатками?

Но ошибки, допущенные при создании науки, не должны перечеркивать ее.

Будущее за компьютерами

Основные надежды в плане прорывных технологий — искусственный интеллект и машинное обучение.

Сегодня нейронную сеть на многослойном персептроне обучают до уровня распознавания в толпе однойцовых близнецов. И это уже сегодняшние технологии.

Когда вы что-то ищете в поисковой системе в Интернете, та обучается вашим действиям и предпочтениям. Через какое-то время поисковик будет выдавать вам то, что больше соответствует вашему ожиданию.

А сколько замечательных вещей нас ждет в будущем, связанном с машинным обучением! Только любимая еда в холодильнике, только лучшие друзья в соцсетях, самый умный дом и многое другое.

Например, переводчик Google обучается на параллельных текстах: учится на оригинале и переводе, сделанном когда-то человеком. Проанализируем эту часть петли обратной связи.

Автоматический, доступный всем компьютерный переводчик сделает переводчика-человека узким специалистом редкой востребованности. Все доверяют машине. Для нашей модели это означает, что труд всех вместе взятых людей-переводчиков в будущем будет ничтожно мал в сравнении с уже имеющейся базой для обучения автомата. Следовательно, перевод с языка на язык застынет ровно в той форме, которую выдаст машина. Более того, этот перевод станет стандартом де-факто.

Википедия уже стала знанием де-факто и авторитетом. Машина учится поведению у человека и считает это поведение самым удобным для него. Но тем самым индивид получает только то, что не является для него новым.

Петля обратной связи этой модели замыкает индивида в скорлупу, из которой он никогда не вылезет. У него не будет шанса встретить что-то необычное, что-то его улучшающее, но в то же время — неприятное. Его сознание будет схлопываться до уровня, которому его научили раньше.

Впрочем, человек еще сможет вмешаться в эту обратную связь и дать индивиду не привычное для него, а то что нужно... корпорации, владеющей соответствующим ресурсом.

Учиться индивид будет только тому, что сочтет нужным корпорация, на которую он работает или инфраструктурой которой он пользуется. И очевидно, что его поведение будет удобно унифицировано.

Как тут не вспомнить Фейербаха? Человек создает компьютер по разумению образа своего и подобия. Компьютер, и умная машина вообще,

становится ему помощником. Затем, незаметно отдав часть своего сознания компьютеру, человек станет от него зависимым. Зависимость от своей карикатуры делает самого человека еще более убогим. Не это ли путь в цифровую диктатуру? Тотальная слежка, ставшая реальностью, цифровая зависимость молодежи, жизнь в виртуальных пространствах — только цветочки. Виртуальная реальность уже здесь.

Э. Ильенков пишет о важности взаимодействия детей с себе подобными для их развития [8]. Это взаимодействие — даже то, что мы, взрослые, называем болтовней и гулянками, — заменяется. Сериалы о подростках, компьютерные игры, симуляторы общения заменяют реальный опыт и реальность вообще. Чтобы превратиться в зомби из матрицы, не нужен шлем виртуальной реальности: виртуальность уже наступила. А социальная энергия уже утилизируется в коммерческих целях.

Коммерческая утилизация социальной энергии — совершенно новый феномен сегодняшнего дня. Это актуальность и сила корпоратократии, использующей внимание в чистом виде.

Кто-то сказал, что подросткам ничего не надо. — Ерунда. В Интернете собирают и монетизируют (sic!) толпы школьников с неустойчивой психикой на основе тяги к самоубийству.

Итак, желающий окончательной деградации должен приветствовать умные машины в нашей повседневной жизни без попыток осознать место, на которое машину нужно поставить.

Культура

Ответом на разрушение единого восприятия должна быть попытка объединить, скрепить картину мира.

Помимо диалектики есть еще один злейший враг нашего замысла разрушения сознания. Это любое знание, которое проходит сквозь все без исключения знания и представления, входящее в каждодневные действия и привычки человека, — культура.

Исследуем это понятие и попытаемся найти в нем те слабости, которые приведут нас к нашей цели.

Наука как часть культуры

Первый вид западного знания, проходящий через все и скрепляющий все общим подходом, называется научным. Он состоит в научной методологии и подходе к познанию, обоснованию всего остального знания. Наука — важная часть культуры.

Каковы же слабости научного подхода? Наука не может утверждать, что чего-то, например, привидений — не существует. А любые подтвержденные феномены можно считать достоверными в неких рамках.

Это важно понимать потому, что тезис, что чего-то не существует или не может существовать, часто используется для обвинения в лженауке, недостоверности и т. д.

Это свойство — еще не слабость науки. Проблема эта известна давно, хотя не сильно артикулирована. Научный метод нашел выход: бремя доказательства лежит на выдвигающем тезис.

Французская академия наук прославилась тем, что поначалу рассматривала любые идеи. Например, такую: французы на американском континенте больше подвержены болезням и смерти на поле брани, чем люди других национальностей. Академия затратила средства и время исследователей, чтобы удостовериться в ложности этого утверждения. Вскоре французы впали в другую крайность и перестали рассматривать любые идеи, нарушающие сложившиеся научные представления.

Как это обоснование происходит? Некто, желающий получить ученую степень, представляет результаты своего исследования с обоснованием и защищает эти результаты перед коллегами. Получив степень, ученый получает большую свободу в части обоснованности.

Понятно, что проще работать не в сфере неизведанного, а там, где все почти ясно. Вот и ответ на вопрос, почему наука работает там, где понятнее, а не там, где надо. Искать совершенно новое — удел отчаянных подвижников.

Наука закукливается не только в силу удобства существующей парадигмы по Куну, но и потому, что современные ученые — такой же массовый продукт, как певцы с MTV.

Повестка науки и, до какой-то степени, представления в научной среде формируются через авторитеты. Авторитеты — это фигуры прежде всего медийные, а значит, выбор этих фигур и их «раскрутка» находятся в руках, далеких от науки, но близких к власти вообще.

Соответственно, власть выбирает из существующего в научном питомнике богатого спектра направлений нужных представителей и определяет моду на дискурс и «перспективные» направления. Даже финансовый рычаг отходит на второй план. Яркими примерами подобных фигур могут быть Стивен Хокинг или Ричард Докинз, многие нобелевские лауреаты.

Если рассматривать очень строго возможности научного метода в смысле отрицания, то на настоящий момент возможны только три варианта развития науки:

1. Утверждение принципиально непроверяемо.
2. Утверждение противоречит нашим представлениям и теории.
3. Утверждение выходит за рамки представления и теории.

Первое — самый простой и легкий вариант для анализа: утверждение типа «чайника Рассела». Нечто находится так далеко, что в действительности его невозможно увидеть. Иными словами, на практике эксперимент ставить никто не будет. Такое явление или утверждение должно быть отброшено.

Второй вариант — когда утверждение явно противоречит теории, что вполне проверяется. Подобный конфликт заканчивается обычно объявлением ошибки или обвинением в недобросовестности — либо сменой теории.

Но самый интересный — последний, третий вариант: явление выходит за рамки существующих теорий и представлений. Это не просто развитие науки, а выход на новый уровень развития науки, если действительно что-то подтверждается.

К сожалению, понимание не только научной модели, но и ее рамок требует высокой культуры мышления ученого — далеко не всегда рамки осознаются. И тем более — крайне редко осознаются околонаучными популяризаторами, часто выполняющими роль обвинителей во лженауке.

Наука в силу естественных причин консервативна и накопила огромный арсенал приемов и методов, которые, помимо содержательной части теории, способны отбросить утверждения на основе других, более очевидных и простых причин. Последние также могут иметь место, но консерватизм, защищая науку, одновременно не дает ей продвинуться в чем-то новом.

Так, нечто, выходящее за рамки, обычно можно объяснить совпадением других обстоятельств, нечистым экспериментом, фальсификацией.

Повторяемость и чистота — ключевые положения научной методологии. Но есть области, где о строгой и чистой повторяемости говорить сложно или вообще нельзя. Например, в области исследования живой природы.

Так, нет достаточных оснований считать, что гомеопатия не работает. Наоборот, нельзя игнорировать ее положительный опыт. Но в силу научного консерватизма и того, что гомеопатия представляет реальную конкуренцию фармкомпаниям, неакадемическая медицина будет всячески притесняться. Попытка ввести большую строгость, как это делает доказательная медицина, — использование слабости науки для подавления конкурентов.

Этот пример показывает: в науке есть сила авторитета, которая влияет на умы. И чем она больше, тем ближе наука к религии.

Подход Фейерабенда — методологический анархизм — появился как ответ на единственную истину в виде мейнстрима науки. Хотя это другая крайность, уводящая в бессодержательное многоголосие и равенство любых мнений.

Возрождение религий сегодня, на мой взгляд, вызвано не тем, что наука перестала отвечать на многие вопросы, встающие перед простым человеком, и вообще остановилась в своем развитии, а тем, что человеку нужны ценности. Сама же наука эти ценности разрушила, выдав свои успехи в познании за всеислие и начав подменять собой любые искания, в том числе философские. Между тем таких оснований у науки нет. Этот феномен скорее нужно объяснять политически: сила науки ломала старые устои, старую власть, а это и был политический аспект проекта «прогресс».

Если иметь мужество признать остановку развития науки и ее самозапутанность, давно перешедшую в насыщение, то отобрать у нее роль третейского судьи в части человеческих ценностей тем более необходимо.

Но кто займет это место? Религия пытается, но не очень успешно, особенно на Западе. Это место прочно занимает коммерция. Крупные ТНК отлично понимают, что их будущее здесь. Автору даже известны управленцы высшего звена некоторых ТНК с образованием в области религиоведения.

Подытоживая взгляд на научное направление знания, перечислю основные слабости:

- научный дискурс и повестка дня легко управляются извне;
- наука чрезвычайно неповоротлива и консервативна за рамками существующих представлений, что становится особенно критичным в областях, связанных с живым и субъективным (в плане чувств, но объективным в плане существования), с которыми сегодня связан наибольший потенциал развития человечества;
- наука имеет большой авторитет (со всеми плюсами и минусами) в области знаний, но потеряла его в области ценностей.

Отвечать на вопрос, как бить по этим слабостям, не нужно: выпустив из рук ценности, работая в малоактуальных направлениях, наука абсолютно беззуба и является скорее балластом, чем двигателем.

Культура как ценность

Почему мы говорим о культуре, а не технологиях? Ведь создать атомное оружие в Верхней Вольте нельзя, что бы ни говорили наши партнеры. Атомное оружие — сложная технология. Когда такая технология создается самостоятельно, она требует сверхусилий специалистов высокой квалификации. Чтобы такие специалисты были, нужна школа, образование.

Образование и квалификация — ясные условия. А зачем нужна культура? Дело в сверхусилиях, которые требуются для создания выдающегося и уникального. Без них качественного скачка не произойдет. Можно двигаться по инерции; можно иметь «устойчивое развитие», — но не сверхдержаву, не технологическое первенство.

Сверхусилия нужно мотивировать и возвращать. Первая неожиданность на пути создания такой мотивации состоит в том, что материальные стимулы тут не работают вообще. Вернее, могут работать только в отрицательную сторону: когда у творца нет даже самого необходимого, его это будет демотивировать. Если нужно возвращать мотивацию, то нужны другие мотиваторы — нематериальные.

Можно мотивировать высокими идеями, высшими ценностями. Если наша мотивирующая идея — «удовлетворение непрерывно растущих материальных потребностей граждан», то мотивации на сверхусилия нет.

В культурном плане Советский Союз был достаточно самобытен и имел большой задел. Пробелы в его культуре вызваны не столько предательством элит — хотя это тоже имело место, — сколько самодовольством элиты и общества. Мы гордились своей победой, своими экономическими успехами и многими другими материальными (что важно в данном контексте) успехами. Мы гордились и культурой, но не настолько сильно, чтобы понимать ее важность. И тогда ударили по ней.

Мы старались бежать «вперед планеты всей», выдерживали затратную гонку вооружений. А культура оказалась местом, где обитали люди часто лицемерные, двуличные, с фигой в кармане — не того высокого уровня, который ожидался от «инженера человеческих душ».

Мы и так лучше всех, мы и так элита самого сильного государства в мире, рассуждала элита, и с нами будут считаться именно поэтому. Нас не тронь, и мы не будем трогать.

Они ошиблись. Не уверен, что эта ошибка правильно понята, и сделаны выводы, чтобы она не повторилась.

Важность культуры сложно переоценить. Возьмем одну из классических кибернетических моделей — цикл Бойда². В одной из фаз (ориентация) присутствует культура. Казалось бы, где культура и где кибернетика? Наличие культуры в военной модели говорит о важности культуры с точки зрения военной мысли.

Что нужно двум субъектам, чтобы они шли вместе к одной цели, имели бы прочный союз? Для этого необходима общность ценностей — то, что будет одинаково важным для одной и другой стороны. Поэтому, если я хочу разрушить любую мыслимую силу против меня, я должен «разделять и властвовать» — обеспечивать как можно более мелкое деление, дробление, атомизацию, чтобы каждый кусочек противника был как можно более маленьким, а их объединение не давало сколько-нибудь заметной угрозы. Прямая ссора — это работа «в лоб»; а я должен бить косвенно — по их ценностям. Разрушать не столько силу субъектов, сколько возможность их объединения. Разрушение общих ценностей — предмет военного применения гуманитарных технологий.

Мне могут возразить: позвольте, но сейчас ценности стараются создать как можно более общими. Идет глобализация ценностей, неких общечеловеческих понятий, ценностей демократии и др.

Ценностная шкала включает в себя не только то, что хорошо, и важные императивы, но и систему ограничений — чего делать нельзя. В рамках процесса глобализации эти ограничения пытаются подменить ограничениями исключительно закона, т. е. убрать рамки из ценностной шкалы в писаную. Туда, где элита всегда вывернет «закон что дышло».

С философской точки зрения объективен лишь факт. А любая его оценка, мнение о нем субъективны. Но сам по себе факт, даже в контексте, ничего не значит: значит лишь мнение о факте. Можно быть тысячу раз объективным, но если это нигде не применимо, а в обществе считается по-другому, то истина не будет значить ничего. Именно отсюда следует известная марксистская формула: идея становится силой, когда овладевает массами. Иными словами, когда отношение к факту, в данном случае к идее, становится таким, что идея представляет ценность. И не важно, какова истина и что она дает. Необходимо создать нужное мнение о факте — и оно, если оно поддерживаемо, будет реальностью. Даже если факты отличаются от действительности.

Почему народ без культуры гибнет? Неловко обосновывать этот факт банальностью вроде «народ культурой и характеризуется». Ибн Халдун в средние века показал: четыре поколения — и элита вырождается. Даже современные исследователи знают, что предпринимательская способ-

² Цикл Бойда, другое название — петля OODA (Observe — наблюдай, Orient — ориентируйся, Decide — решай, Act — действуй).

ность передается максимум внуку. А править государством сложнее, чем фирмой.

Культура интегрирует не только отдельные знания и повседневную жизнь, но и направлена (должна быть) на интеграцию народа сквозь время, между поколениями, в том числе между поколениями, у которых нет живой связи друг с другом (скажем, прадед и правнук). Именно это обеспечивает преемственность и долгую жизнь роду и народу.

У каждого времени свои проблемы. Перед каждым поколением свои вызовы. Совсем не любое знание, решая свои конкретные проблемы, потомок будет хранить и считать ценным и актуальным для него. И беспринципность, и лабильность подхода в решениях, кажущаяся очень выгодной управленцу сегодня, далеко не всегда полезны долгосрочно.

Беспринципность — это даже не полпроблемы. В большинстве случаев вождь поколения, поступившийся своей культурой, этого даже не осознает. Но отбросивший ценности предков неминуемо будет отброшен сам своими потомками.

Обратный пример: как создать народ? Обратим взгляд в сторону будущих поколений и их объединения по достаточно простому, но прочному признаку.

Где совершаются браки? Молодые пубертатного периода — люди, ничего еще не имеющие и несамостоятельные. Здесь до недавнего прошлого все решали родители: они совершали и хранили брак. Двум главам семей нужно было сойтись и договориться.

Разговор должен быть долгий, радостный (событие к этому располагает), со взаимным уважением — эти люди планируют стать родственниками. Перефразируя Леонида Филатова: при эдакой беседе как не быть снеди? Иными словами, брак начинается со стола: один приглашает к столу другого. То, что стоит на столе и как оно приготовлено, определяется местностью и географией проживания сватов, а также их вкусовыми привычками и традициями приготовления.

Но представим себе, что сват-вегетарианец решил выдать дочь за эскимоса. Или салоед позовет к себе на пир правоверного мусульманина. Если действовать достаточно тонко, то, управляя пищевым обычаем, можно сегрегировать страту, а удерживая пищевые предпочтения в поколениях — создать народ. Генетические механизмы узкой группы обязательно создадут внешние характерные отличия в фенотипе, что в дальнейшем закрепится обратной связью: выбирать «своего».

Такой этногенез потребует большой идеологической работы и наличия передаваемого устойчивого культурного знания.

Сюда нужно добавить другие исключительно культурные, но касающиеся каждого члена общества события: обряд похорон, получения имени, генезис собственного языка, наличие преданий и тайного знания и пр. Но, как показывает история, все возможно.

Передача культуры

Культура по форме представляет собой знание. Но вот неожиданный поворот: она передается не через книги, а только через носителя.

Сейчас модно петь осанну предпринимателям. Ведь только они своей энергией, идеями, новациями изменяют жизнь к лучшему. Культурный и ценностный коллапс, в который погружается мир, нельзя изменить с мышлением торговца. Даже самые гениальные предприниматели не смогут заработать ни рубля без определенной социальной организации общества.

Книга сама по себе абстрактна и без носителя быстро выхолащивается, т. е. теряет свое конкретное содержание.

Народы, утратившие изустную прямую передачу, находят единственный выход в попытке сохранить знание — буквальное понимание, начетничество, зазубривание, т. е. абстрактное понимание доставшегося знания. И народы с такими традициями тоже есть.

Есть альтернативный вариант отношения со своей культурой, при котором сам язык не имеет буквального толкования — например китайский. Тогда и письменное знание, и традиция всегда будут подстраиваться под конкретные сегодняшние обстоятельства. Разумеется, подобная нечеткость имеет обратную сторону — невозможность зарождения формальной логики.

Итак, культуру несут и передают люди. И всегда особенные. Отношение к ним всего народа, по сути, тождественно его самоидентификации.

Неверно толковать мою позицию как поддержку каст или избранности по рождению. Обращая внимание на то, что культура требует носителя, подчеркну: культура требует глубины. Абстрактный, верхоглядный подход к культуре ее вырождает и обесценивает. Сохранение и передача культуры (в широком смысле) требуют большой собственной работы носителя над этим знанием, в том числе умственной. Мало сказать, что без этой работы отношение к культуре может быть только потребительским. Даже потребление имеет свою глубину. Культура — дерево живое. Это знание должно жить вместе с жизнью общества и его носителей. Оно должно меняться от условий, диалектически оставаясь самим собой.

Соответственно, культурой нельзя называть то, что не требует никаких усилий даже по восприятию. Только живые люди — носители культуры, ведающие глубину этих знаний, — могут постоянно вдыхать жизнь в это знание, убирать белые пятна по мере роста, отвечать на актуальные, вновь появившиеся вопросы и вызовы.

Для уничтожения механизмов передачи культуры нужно:

- рассорить, разъединить молодежь и старшее, мудрое поколение. Способов масса: от обвинения в мракобесии до создания удобных условий для доживания старости, но вдали от детей и внуков;

- культуру объявить всеобщей и сгладить все страты общества в культурном смысле. Объявить, что без подготовки культура доступна каждому. Хорош лозунг: если не понимаешь мазни бездарных арт-перформансов — ты бескультурен;

- подменять культуру примитивным, доступным подростку развлечением: кино, Диснейленд, быстрая музыка. Теряются примитивные чувства. Хорошо снижают шкалу ценностей бесконечные обсуждения построения отношений, телепередачи про конфликты с соседями;

- поддерживать любое абстрактное «умственное» искусство». Артаус. Этим хорошо занять ум интеллектуалов, щекоча их самолюбие;
- поддержка краткосрочного мышления и поверхностного восприятия. Мысли покороче, тексты попроще. Больше лозунгов и афоризмов, глубины понимания которых нет;
- культура должна навязываться чужеродная (агрессора) — усилий на это не жалеть. Обычно эти усилия еще и окупаются. С демонстрацией его превосходства и иллюзией легкодоступного счастья;
- все ритуальные события в жизни человека, так или иначе связанные с социумом (свадьба, смерть, получение имени и пр.), должны быть секуляризованы и стать обыденными;
- подменять культуру магией и предрассудками.

Овертон и его мягкосильные товарищи

В последнее время стала популярна тема метода «окна Овертона» как ясная иллюстрация подхода «мягкой силы». Речь идет о медленно меняющемся уровне нормы, который, говоря диалектически, из количественного снижения приходит к качественной катастрофе.

Изменения нормы малы по величине и находятся в области, которая не является четко обозначенной в культурном коде. Это смысл слова «окно» в названии, т. е. норма сдвигается к самому краю допустимого. Это один процесс.

Второй процесс обычно рассматривают как самоочевидное привыкание общества к новой норме, а значит — сдвиганию и расширению окна допустимого. Пример — женская мода. Длина юбки, немыслимая в начале XX в., сегодня норма не только у молодых девушек.

Достаточно ли просто привыкнуть к новой норме, чтобы раздвинуть окно допустимого дальше? Если нет никакой другой опоры для нормы, то да. И в условиях полного культурного вакуума процесс деградации пойдет сам собой.

Главное, что обеспечивает эту опору, — передача культурных ценностей. Не картин и ювелирных изделий — как нас убеждает любое посещение культурных мест, — а осознание того, что должно быть ценным в голове того, кому ты желаешь добра и счастья.

Основа всей концепции «мягкой силы» — разрушение ценностной основы. Если ценность сделалась абстрактной, ее очень легко изменить или подменить. Ценность тогда крепка, когда она ясна в большинстве жизненных ситуаций, когда никогда не возникает сомнений по этому поводу.

А абстрактные, высосанные из пальца вопросы, которые муссируются в СМИ, размывают эту однозначность. Любое ток-шоу предназначено для того, чтобы человек поставил себя на место героя в вымышленной ситуации, чтобы составить «свое» мнение.

Беда не в том, что его мнение будет ему навязано. А в том, что мозг не воспринимает разницы между вымыслом и реальностью. А индивид перед телевизором, будь хоть с тремя высшими образованиями, совершенно не готов к той жизненной ситуации, которую он видит в шоу.

Но граница между моралью и ценностью не ясна. Готового рецепта от предков и традиции нет. Сам индивид во всей конкретности осознать ситуацию не может.

И те остатки или зачатки ценностной картины мира, которые есть в его голове, разрушаются окончательно. Ведь вместо ответа он получает так называемый плюрализм: свалку даже не мнений, а несвязанных позиций. И хочет он того или нет, а его культурная картина мира рушится или, как минимум, дезинтегрируется.

Кроме ток-шоу на это работают фильмы ужасов, фильмы с многими убийствами (боевики), фэнтези (фильмы-сказки, не имеющие явной морали в качестве основного смысла), т. е. любые ситуации, которые похожи на реальность, но бьют по границе знания — там, где ценности человека уже не работают или работают плохо.

Есть и другие подходы. Так, отлично показан метод разбивания ценностей на границе в голливудском фильме «Немыслимое» (2009) о возможности применения пыток, если это нужно правительству США. Фильм очень жесток, и террориста в нем действительно пытаются. А заканчивается он тем, что ядерная бомба взрывается из-за благородства женщины, не позволившей мучить детей. У меня нет уверенности, что такие фильмы можно показывать даже людям с нормальной, уравновешенной психикой. В прокат в США фильм не выходил — постеснялись; а DVD сделали.

В фильме играют знаменитые актеры. В России он получил положительные отзывы кинокритиков.

Можно сказать, что фильм — просто дань моде, и оправдать его коммерческим интересом (расхожее оправдание многих гадостей). Обращу внимание читателя, что фамилия главного героя фильма (в русском варианте переведена с ошибкой) — явная аллюзия на Эрнста Юнгера, немецкого философа, теоретика и практика партизанской революции. А фильм — недвусмысленный ответ тем, кто знаком с его работами. Стандартом западной элиты стало через подтекст, понятный немногим, доносить свою позицию посредством массового развлечения.

Однако это все яркие любопытные примеры, удобные для анализа. Реальную же работу над сознанием выполняют маленькие, незначительные воздействия, заложенные в повседневной массовой «культурной» жизни общественного человека. Деструктивные идейки каждый день — та самая вода, что камень точит.

Смысл «мягкой силы» не столько в ведении мелкой, но постоянной работы на границе культурного кода, сколько в механизме разрушения культурного кода самим носителем.

Индивид сам отбрасывает и обесценивает заложенный в нем воспитанием и традицией культурный код. Его сознание постоянно переносит в условия, где возникают белые пятна, за границу рамок культурного кода, туда, где культурный код не работает (та самая неполнота по Геделю). Эта область за границей всегда нереалистична, но воспринимается и кажется реалистичной. Ментально находясь в ситуации, когда его культурный код не работает, индивид обесценивает свою ценностную опору.

Ввиду важности вопроса приведу еще одну иллюстрацию такого воздействия.

Тебе задается вопрос (ситуацию можно обыграть в фильме), который требует решения, но ломает социальные нормы.

Например, ты оказался вдвоем с другом на Северном полюсе. У вас закончилась еда. До прихода помощи еще несколько недель. Но тут происходит неожиданное: твой друг падает с большой высоты и погибает. Ты съешь его труп, чтобы выжить? Разумеется, никто ничего не узнает.

Именно такая дикость и возникает в фильмах, направленных на разрушение сознания. Она там обернута в красивую упаковку, имеет более мягкую форму, с обязательным мощным эмоциональным вовлечением зрителя, — но работает так же.

Человеку предлагается выбор между жизнью и соответствием общественной норме. Вроде бы общества тут нет, и решать можно без оглядки. Но ведь человек ждет помощи от общества и собирается туда вернуться. И совесть будет мучать.

Вот она, еще одна диалектическая спутанность, но с колоссальной психологической нагрузкой. Решение надо принять сейчас. Если его не принять, то после просмотра такого фильма будешь испытывать дискомфорт. Что обычно сопровождается многозначительным: «Какой серьезный психологический фильм, заставляет задуматься».

Ответ лежит снова в понятии конкретного.

Прежде чем ответить, нужно понять: как эти двое туда попали? Они что, не думали о риске? Их цель была в чем? Эгоистическая — побывать на полюсе, или они спасали белых медведей? Это два каннибала или уголовника?

Если мне подсказывают, что один из них персонально «я», то мой ответ: «Я в эту ситуацию никогда не попаду».

Откуда я это знаю, ведь всякое бывает?

Абстрактно может быть что угодно, и если вам нужен мой абстрактный ответ — пожалуйста: «по обстоятельствам». Только теперь зацепить меня за это решение нельзя. Оно абстрактно, оно не мое. А за себя я отвечаю — не попаду.

Подобные вопросы бывают основаны на реальных историях, и, пренебрегая частью вранья, всегда сопровождающего подобные ситуации, попробуем все-таки ответить за такого человека.

Смотрят фильм миллионы, а в этой ситуации человек был единожды. Его ситуация уникальна и что важнее — конкретна. В ней, с учетом всех возможностей и обстоятельств, которых мы никогда не узнаем, которые не опишет ни одна книга и тем более фильм, человек сделает правильный выбор в тех конкретных обстоятельствах. Его решение будет конкретно верным. И лучше поступить он не сможет.

Есть сомнения? На месте Наполеона ты бы тоже лучше его поступил? Так вот, ситуация из реальной истории ничем по уникальности от ситуации Наполеона не отличается.

А задающий подобные вопросы пусть оставит их себе — в реальной жизни они ему не помогут.

Желающий пощекотать себе нервы и развлечься «глубоким» кино, не понимающий, что разрушает себе психику и предает знание предков — накажет своих детей и внуков.

Яд Гарри Поттера не сколько в том, что Дамблдор — великий волшебник потому, что его таким объявили, но он не может угадать вкус конфеты³ (дерационализация). А в том, что мечтающий о Хогвартсе Иванов или Смит стал «не помнящим родства», приняв навязанную вымышленную культуру, отлично подходящую для порабощения.

Культурная агрессия

Чему стоит поучиться у Запада в отношении науки, так это популярному изложению (обычно еще и коммерчески успешному) научных принципов и моделей.

Так, в последней части трилогии «Мир смерти» Гарри Гаррисон с ясностью, доступной любому читателю, моделирует и демонстрирует, как уничтожить чужую культуру. Роман, в отличие от «Академии» Азимова, был доступен и советскому читателю, но всерьез не рассматривался. А ведь там изложена схема, по которой сломали культуру не одного государства.

Уничтожение культурных ценностей, письменности, геноцид, экономическое порабощение сами по себе не приводят к уничтожению культуры. Даже после утраты основы ценности, тем не менее, передаются. Надо себя вести так и так воспринимать. Почему? — Не знаем. Но культура жива.

Для ее уничтожения подчиняемому народу нужно показать через торговую (или другую) связь, что твоя культура выше и лучше. Войти в чужую культуру, убедив, что твои ценности лучше, желаннее, несут пользу своему народу, и тем самым навязав их. При этом свои старые ценности народ постепенно теряет, а материальные ценности и знания отдает захватчику.

Когда хранителями старых ценностей остается меньшинство, оно уничтожается физически (например, в войне) или изгоняется.

«Вишенкой на торте» в этой комбинации является циничный последний шаг. Материальные ценности, которые еще остаются от народа, утратившего свою идентичность или погибшего, объявляются древней историей чужеродной захватнической культуры (культуры агрессора). Мало того, что я пришел на чужую землю и поработил местный народ — я еще и объявил все ценное, что у них было, наследием своих предков. Западная история во многом так и создавалась.

Все. Дело сделано. Народ уничтожен.

Уничтожены не люди. Люди могут жить, и даже жить не хуже в материальном плане, чем это было раньше (правда, не все).

Чего стоит судьба индейских племен сегодня? Они сыты, здоровы и «имеют успех». Но что осталось в них от индейцев, кроме крови? Воспоминания, навеянные Фенимором Купером или даже Гойко Митичем?

³ Ситуация взята из оригинального романа Дж. Роулинг.

Кого-то такая судьба устраивает. Скажем, племя Уру-эу ходило голыми еще в конце XX в. и никогда не видело железа. А сегодня сын вождя знает португальский и живет в городе. Хотя большая часть племени умерла от инфекций белых людей, кому-то этот рывок в будущее кажется благом прогресса.

Ни один современный большой народ в этом ничем не отличается от другого. Отдав свои ценности, он так же обрекает себя на неизвестность.

И конечно, отдельных его членов ждет сытость от банки варенья и корзины печенья.

Но что делать, если торговля на это не способна? Если товары не настолько лучше? А кроме того, свою культуру будут защищать: на то она и культура.

Тут Гаррисону на помощь приходит Азимов. И в рассказе «Неожиданная победа» показывает, что не надо лучше. Надо лишь делать вид, что лучше. Если свою культуру будут защищать топорно, тупо — в виде отрицания и отбрасывания навязываемой, — метод сработает. Ведь если содержание отбрасывается и недоступно для анализа, то восприниматься будет только обертка.

Эта схема продолжает работать. Ее никто не выключал и не защищался от нее. Не надо иллюзий: то, что работает, будет продолжать работать.

Обратите внимание, насколько это изящно! Проведено моделирование сценария, изложено доступным языком, с захватывающим сюжетом, в открытом доступе — прочитай и научись.

Что-то подобное есть у нас в России? Или может было? Нет, не было и не ведутся работы.

Господа, вы ищете теорию в книжках Джозефа Ная и даже Джина Шарпа? Это популярное изложение ничем не хуже Гаррисона. Теорию надо создавать самому, ее никто не отдаст.

Неужели мы способны только фильмы закупать в Голливуде? Мы умеем делать пушки. Это нужный навык для тех, кого постоянно хотят съесть. Но к пушкам нужны люди, ибо сами по себе пушки не стреляют.

Что толку в самом страшном оружии, если у кнопки молодой лейтенант, который мечтает о красивой жизни где-то «там», а происходящее здесь, с его Родиной, его волнует мало.

В чем польза от большого бюджета, если чиновник глубоко провинциального города Глупова уверен, что образование надо дать детям английское? Какой смысл производить самые лучшие материальные блага, если они заведомо не ценятся?

Может у агрессора культура на самом деле неплоха, а я — только нагоню страх? У агрессора не культура, а симулякр. Фантик без содержания. Просто потому, что он, ставящий превыше всего деньги, культуры создать принципиально не может. Заимствование этой «культуры» — путь в никуда.

Война потеряна там — на фронте, проходящем через мозг простого человека, в его картине мира. Тогда, когда решили, что искусство — это для развлечения, что культура — лишь повод для гордости и поток туристов, глазеющих на самовар и лапти.

* * *

Культура твоих предков — анахронизм и не соответствует сложной современной действительности? О необходимости подъема родной культуры не говорит только ленивый. А есть ли понимание, как ее поднимать? Снимать фильмы как в Голливуде? Производить хорошие джинсы? В игре в догонялки не выиграть. Работать с культурой вообще сложно, особенно если ее воспринимать как эстетику и развлечение. Без диалектического понимания культуры возможны только перекосы.

Допустим, мы хотим сохранить культуру от мусора и прочего. В части языка мы прописываем правила и учим им в школе. Правила усложняются, но язык очень твердо стоит. Мы не допускаем безграмотности. Осудим слова «поклади», «ихний», «всколькером» и пр. Результатом будет омертвление языка, и появятся заимствованные «офис», «вебсайт», «интерфейс», «мерчандайзинг» и другие, ломающие язык. Это две грани одного процесса, и указом такая проблема не решается. Нужно адекватное диалектическое представление о культуре. Понимание культуры — это не значит создавать новые матрешки, это значит находить ответы в своих корнях. Они там есть. Не хватает лишь умения видеть.

Само по себе «окно Овертона» — модель умозрительная, и там, где есть почитаемые хранители культуры, авторитеты в области ценностей, эта технология работать не будет.

Что делать «деструктору» там, где есть авторитеты, традиции, почитаемые ценности? Достаточно очевидно: надо начинать борьбу за «свободу»! За возможность выдавать любую абстрактную идею за «тоже хорошую», вытесняя авторитетов и сложившиеся ценности. Свобода, плюрализм мнений, права каждого, равные возможности — та самая ахинея, которая служит уничтожению ценностной шкалы, отказу от своей культуры.

А чтобы простые люди не вздумали искать авторитеты и были уверены, что они легко могут осознавать такие сложные вещи, как культурный код, игры элит, международные отношения, необходимость отдавать часть ресурса общества на стратегические направления, им надо навязать «демократию». В кавычках — потому что это не власть народа, а убежденность индивида, что он способен отличить зерна от плевел, ценное от фантома, заботу рода о себе и потомках от «бери от жизни все что можешь».

Демократия и свобода слова — это и есть фундаментальная диалектическая спутанность нынешнего века. Я изложил цель этой спутанности и общий механизм. Как устроена эта ключевая диалектическая спутанность, предлагаю подумать читателю самому.

Истинная картина борьбы, которую невозможно понять без диалектики, складывается аналогично такому образу. Объявляется и навязывается конкуренция как благо для всех. Как нетрудно догадаться, это мнимое противоречие, за которым прячется настоящая борьба. Эта мнимость нужна, чтобы добиться мутной воды, в которой незаметно можно провернуть смертельный прием. Итак, пример.

Два повара, честно конкурируя, соревнуются в том, кто лучше сварит для своего народа суп. Когда первый очистит картофель и нашинкует капусту, выложит на стол изысканные травы и свежее масло, второй своим ножом превращает своего конкурента из субъекта (такого же, как другой повар) в объект — т. е. в мясо, из которого сварит бульон для супа.

Как видно, конкуренция помогла, и даже готовые овощигодились. Победил не тот, кто правила нарушает (как некоторые полагают), а тот, кто правила навязал. Вещь очевидная; неочевидно, что делать первому повару, который догадывается о планах второго. Пытаться надеть бронжилет? Кричать на весь мир, что второй агрессор? Но это игра по уже существующим правилам. Лишь диалектика может дать ответ на вопрос, как переиграть противника.

О предстоящем кризисе, глобальной катастрофе или Апокалипсисе пишут очень много. Причин для алармизма достаточно. Однако хочется обратиться к сухим фактам, изложенным в книге Сергея Капицы [9]. Лично у меня много вопросов к выводам профессора. Например, не является ли период для основы прогноза на смену тренда низкой базой? Точкой перелома называется 1995 г., книга написана в 2010 г. — лишь 15 лет статистики. Сам автор этой книги указывает на флуктуации, которые имеют гораздо большую длительность. Однако рассмотрим позитивные выводы книги.

Во-первых, она убедительно показывает несостоятельность мальтузианства — представлений, что численность людей определяется ресурсами. Очень важный вывод в свете желания элиты эту численность сократить.

Во-вторых, главный вывод книги — рост народонаселения всей Земли скачком замедлился и вскоре повсеместно остановится. В развитых странах он уже остановился, и остановка роста ожидается в так называемых развивающихся странах. Если этот вывод верный, и общее число людей будет долго (больше времени активной жизни одного поколения) оставаться неизменным, то катастрофические социальные изменения неизбежны. Ведь суть современных экономических отношений — непрерывный рост. В том числе потребления, и разумеется — количества потребителей.

О. Григорьев замечает, что эпоха экономического роста уже невозможна по ряду других причин [5]. Ведь экономическое развитие сопряжено с непрерывным ростом разделения труда. Новые члены общества при остановке роста разделения труда просто не смогут никуда встроиться: они будут не нужны. А с учетом других понижающих тенденций ненужными окажутся гораздо больше, чем могут представить себе смелые футурологи.

Значит, речь идет не о смене технологического уклада, не о нашествии пришельцев с Марса, а лишь о том, что мы не можем себе представить новый социальный строй и принципы, по которым он будет жить.

Единственный позитивный пример жизни равновесного общества — племена людей с примитивным бытом, которые принято называть дикими. Многие ли готовы жить в таких стабильных условиях?

Мы стоим у начала колоссального перелома общественной жизни. Изменения будут несопоставимы ни с Великой депрессией, ни, возможно, даже с Ледниковым периодом.

Нет сегодня в мире оружия, способного ответить этим вызовам, кроме адекватной картины мира. Над ней надо работать, ее строить — это самое мощное стратегическое оружие.

Эпоха перелома хороша тем, что с игровой доски смахиваются не только твои фигурки, но и противника. Именно в эти моменты удача на стороне стратегов, а не больших батальонов.

Литература

1. **Альтшуллер Г.** Найти идею: введение в ТРИЗ. М. : Альпина бизнес букс, 2007.
2. **Бейтсон Г. и др.** К теории шизофрении // Московский психотерапевтический журнал. 1993. № 1.
3. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Кто мыслит абстрактно. 1807 // **Гегель Г. В. Ф.** Работы разных лет : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 1.
5. **Григорьев О. В.** Эпоха роста. Лекции по неоэкономике. М. : Карьера Пресс, 2014.
6. **Зиновьев А. А.** Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М. : РАН, Ин-т философии, 2002.
7. **Зиновьев А. А.** Фактор понимания. М. : Алгоритм, 2006.
8. **Ильенков Э. В.** Учитесь мыслить смолоду. М. : Знание, 1977.
9. **Капица С.** Парадоксы роста : Законы развития человечества. М. : Альпина нон-фикшен, 2010.
10. **Малявин В. В.** Военный канон Китая. Сунь-цзы. Сунь Бинь : перевод и исследование. М. : РИПОЛ классик, 2015. Гл. 3.
11. Михаил Жванецкий: как прекрасна жизнь, если бы не застарелая шизофрения. — <http://www.aif.ru/society/people/1444102> (дата обращения: 25.07.2017).
12. **Оруджев З. М.** Диалектика как система. М. : Политиздат, 1973.
13. **Оруджев З. М., Кумпф Ф.** Диалектическая логика. Основные принципы и проблемы. М. : Политиздат, 1979. ◆